

Мои раннія встрѣчи съ о. Сергіемъ

Съ покойнымъ о. Сергіемъ мнѣ суждено было впервые встрѣтиться въ 1904 г., въ канунъ первой революціи, когда онъ прибылъ въ Петербургъ изъ Кіева, гдѣ былъ тогда профессоромъ политической экономіи въ политехникумѣ. Имя его съ 1903 г. стало извѣстнымъ всей интеллигентной Россіи по знаменитому сборнику «Проблемы Идеализма». Но къ 1904 г. этотъ этапъ «Отъ марксизма къ идеализму» былъ пройденъ. С. Н. Булгаковъ быстро эволюционировалъ и шелъ уже «отъ идеализма къ православной церкви». Его творческой головѣ и пылкому сердцу предносился идеалъ новаго, еще небывалаго у насъ движенія «Христіанской Общественности». По русской традиціи безъ своего «толстаго» ежемѣсячника не мыслило себя ни одно вліятельное идейное теченіе. Намѣчено было преобразовать уже три года существовавшій органъ СПб. Религіозно-философскаго Общества — «Новый Путь». Въ результатъ явились «Вопросы Жизни». Жившіе въ Петербургѣ соучастники «Проблемъ идеализма» Н. О. Лосскій, С. А. Алексѣевъ (Аскольдъ) и С. Л. Франкъ прикнули отчасти и къ журналу и вообще къ новому начинанію созданія «христіанской общественности». Въ Петербургъ переселился и Н. А. Бердяевъ, а вскорѣ и магистрантъ Кіевской Духовн. Академіи, свящ. о. К. М. Аггѣевъ. Начались встрѣчи и собранія при редакціи «Вопросовъ Жизни». Помню молодого С. Н. Булгакова съ типично-интеллигентской наружностью, съ рукой, энергично заложеной за грудь неизбывнаго сюртука, съ черной, слегка взвихренной шевелюрой, съ широкимъ розовымъ лицомъ, обрамленнымъ черной бородкой и энгузіастическими, лучистыми карими глазами. Весь — съ трудомъ сдерживаемый пафосъ «оппозиціи», нетерпѣнія и обличенія.

Особенно памятно было мнѣ собраніе въ раскаленные январскіе дни первой революціи 1905 г., послѣ несчастной кровавой провокаціи 9 января. Русскій интеллигентскій міръ куда-то неудержимо несся въ вихрь стихійной, повелительно захватывающей революціонной мобилизаціи. Симптомы вскрывающагося національнаго землетрясенія были очень неожиданные. Огненные языки пробивались изъ подъ почвы въ самыхъ непривычныхъ мѣстахъ, далеко отъ революціонныхъ подпольй, на чуждой имъ периферіи: въ неподвижныхъ — казалось — областяхъ церковнаго быта. Какимъ неуязвимымъ для бурь политическихъ представлялся «пріютъ богословскихъ музъ» — наша СПб. Дух. Академія! И вдругъ, «не изъ тучи громъ», — шумнымъ фейерверкомъ

поднялись из нея прогремѣвшие на всю Россію имена: свящ. Гапона, о. Григорія Петрова, арх. Михаила (Семенова), игум. Иліодора (Труфанова), ректора еп. Теофана (Быстрова), и др. О всѣхъ ихъ мемуарно слѣдовало бы кое-что засвидѣтельствовать. Но пока, какъ говорилъ Гоголь, мимо, мимо!..

Москва имѣла свою голову на плечахъ, и полна была крупныхъ людей и талантовъ. А все-же Петербургъ держалъ примать столицы, и безъ него не получалось единаго всероссійскаго фронта въ лобомъ идейномъ, общественномъ начинаніи. Въ неистовые январскіе дни прибыла изъ Москвы своего рода делегация отъ кружковъ религіозно-философскихъ, къ таковымъ же петербургскимъ. Русскій ренессансъ начала XX вѣка выдвинулъ много новыхъ фигуръ, совсѣмъ непохожихъ на штампованный типъ стараго интеллигента-позитивиста. Раннимъ предтечей, опередившимъ ихъ чуть не на два десятилѣтія былъ Вл. С. Соловьевъ († 30.VII.1900). Въ Московскомъ университетѣ линію Вл. Соловьева творчески, на свой ладъ проводили братья Трубецкіе — Сергій Николаевичъ и Евгений Николаевичъ. Изъ ихъ гнѣзда немало птенцовъ, по окончаніи университета, поступили в Моск. Духовную Академію. Таковы были въ данный моментъ коллеги и сверстники Б. Н. Бугаева (Андрея Бѣлаго): П. А. Флоренскій, будущій священникъ и проф. философіи въ Моск. Дух. Академіи, Петровскій, С. М. Соловьевъ (племянникъ Вл. Соловьева, поэтъ и священникъ). Вскорѣ ихъ примѣру послѣдоваль А. В. Ельчаниновъ (по окончаніи СПб Университета). Активистскими, волевыми характерами въ этой средѣ были студенты-филологи: Вал. П. Свенцицкій и Вл. Фр. Эрнъ (вскорѣ магистръ и прив. доц. по философіи, скончавшійся предъ 1917 г.). И Флоренскій, и Эрнъ, и Ельчаниновъ и Свенцицкій — всѣ были изъ Тифлиса, дѣти инженерскихъ русскіхъ семей. Землячество способствовало общности ихъ религіозныхъ интересовъ и тянуло къ солидарнымъ дѣйствіямъ. 9-го января высѣкло искру рѣшимости у Эрна и Свенцицкаго. Они двое составили ядро образованнаго ими «Христіанскаго Братства Борьбы». Подразумѣвалось — борьбы за расторженіе старорежимнаго союза Православной Церкви и Самодержавной Власти и выведеніе церковныхъ силъ на поле борьбы свободной общественности за новый конституціонно-демократическій строй въ Россіи. При чемъ, въ духѣ Вл. Соловьева, подразумѣвалось завоеваніе высокыхъ и властныхъ позицій для Православной Церкви для выявленія ея независимаго, свободного, евангельскаго голоса въ жгучихъ вопросахъ современности: — культурныхъ, соціальныхъ, политическихъ. Два Аякса — Эрнъ и Свенцицкій ярко различались по темпераментамъ. Эрнъ — сынъ нѣмца, весь былъ — ученость, разумъ, строжайшій морализмъ. Высокій, съ блѣднымъ, безбородымъ, никогда не улыбающимся лицомъ, въ обычномъ для того времени черномъ сюртукѣ, онъ казался протестантскимъ пасторомъ какой-то морализующей секты, являя собою примѣръ протестантскаго папоса въ православіи. Его другъ-сподвижникъ Свенцицкій, судя по фамиліи, польскаго происхожденія, невысокій, блондинъ съ большими сѣро-голубыми глазами, напряженно и требовательно на всѣхъ смотрящими. Какой-то едва сдерживающей себя Савонаролла, готовый разра-

зяться обличеніями, анаемами, повести толпу въ бой. Типъ теократа-фанатика латинскаго стиля.

Юные активисты явились на собраніе въ редакціи «Вопросы Жизни». Обсуждалось отношеніе Церкви къ текущимъ революціоннымъ событіямъ. Только что Св. Синодъ, еще подъ цензурой К. П. Побѣдоносцева, опубликовалъ свое «Посланіе ко всѣмъ чадамъ Православной Церкви». Посланіе холодно-обличительное, какъ говорили тогда «казенное». Въ жгучей, взволнованной атмосферѣ момента оно казалось, по своему равнодушію къ существу дѣла, какимъ-то вызовомъ. Газеты кричали отъ боли и смущенія; тогда правыя газеты — «Новое Время» и «СПБ. Вѣдомости» князя Э. Э. Ухтомскаго: «Гдѣ въ это время былъ сонмъ духовныхъ?»; «Гдѣ были учителя наши въ непогоду, приведшую къ катастрофѣ 9-го января?». Наши іерархи вовсе не были тѣми мертвецами, подъ маской которыхъ являлъ ихъ ликъ передъ Россіей всемогущій оберъ-прокуроръ. У нихъ сердце разрывалось на части. И «Первоприсутствующій» членъ Св. Синода СПБ. митрополитъ Антоній (Вадковскій) прозрачно выразилъ свое негодованіе въ сдержанномъ письмѣ въ «Нов. Время» (19 янв.), прикрытомъ именемъ его секретаря П. И. Тихомірова: «Въ сферу политическихъ и социальныхъ движеній духовную власть никто не считаетъ нужнымъ посвящать. Поэтому пастьрскаго слова владыки къ рабочимъ не могло и быть. Во всякомъ общественномъ движеніи надо быть вполне освѣдомленнымъ, чтобы во время явиться, гдѣ нужно, и сказать, что слѣдуетъ». Слова горькія, но глубоко правдивыя, намекавшія на старческую немощь режима, подъ формой любящихъ объятій удушавшаго энергію церкви. Іерархи, какъ бы слуги-автоматы ни во что не посвящаются, а въ трудныя минуты на нихъ перекидывается часть отвѣтственности. На глазахъ у митрополита СПБ. Градоначальникъ ген. Дедюлинъ и цивильные члены жандармскаго управленія фотографировались, какъ съ имянинникомъ, съ свящ. Гапономъ, радуясь, что привлекли въ его лицѣ «Церковь» (!) на служеніе въ политической борьбѣ. Умный сотрудникъ московскаго Охраннаго Отдѣленія Зубатовъ подбросилъ властямъ идею легальнаго рабочаго движенія съ организаціей въ профессиональные синдикаты, но съ исключеніемъ изъ нихъ задачъ политическихъ и революціонныхъ. Въ Петербургѣ эти планы проводились кустарно, подомашнему. Гапонъ еще въ составѣ «Общества студентовъ — проповѣдниковъ СПБ. Дух. Академіи», работавшихъ каждое воскресенье, въ окраинныхъ рабочихъ церквахъ и аудиторіяхъ, выдвинулся какъ зажигательный (до истерики) народный ораторъ. Природный плебей, изъ полтавскихъ пастуховъ, да еще печальный вдовецъ въ рясѣ, Гапонъ тгилъ въ себѣ горечь пролетарскаго озлобленія. Революціонные рабочіе инстинктивно тянулись къ нему, какъ къ «своему брату». Но его первыми поманили блестящей карьерой агенты Зубатовскаго плана и ввели въ свои «салоны». Зубатовъ имѣлъ достаточно живости ума и воображенія, чтобы опередить дремавшую правительственную мысль. Онъ задумалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ взять весь рабочій вопросъ въ руки власти и рѣшить его сверху, а не снизу. По подобію отмѣны крѣпостнаго права. Грандіозная *in abstracto*, идея не могла не быть ис-

калѣчена и окаррикуатурена въ клещахъ полицейскаго аппарата. Въ Москвѣ были брошены въ рабочія аудиторіи кадры интеллигентныхъ агитаторовъ, даже изъ прив. доцентовъ Университета (напр. Дэнъ) и священниковъ (напр., о. І. Фудель). Движеніе искренно захватило часть рабочихъ. Профессіональные революціонеры рѣшили взорвать опаснаго для нихъ конкуррента.. Младенчески-кустарная «революція сверху», конечно, уязвима была для провокаціи лѣвыхъ. И они этого добились въ Петербургѣ, гдѣ наивная тайная игра въ руководство рабочимъ движеніемъ, безъ открытой опоры на общественныя силы, на печать и на Церковь, превратилась въ легкомысленную забаву «салона» градоначальника. Между тѣмъ подъ ногами клокоталъ вулканъ революціи. Раненное японскимъ пораженіемъ и унижительнымъ миромъ національное сознание цинично использовалось инфернальными силами подполья (будущимъ большевизмомъ). Сверху Гапона подымалъ на щитѣ свитскій генераль Дедюлинъ, а снизу ему уже вскружили голову агенты революціи. Гапонъ подымалъ массы на походъ «къ царю», уже какъ сознательный провокаторъ. Помню, такъ за недѣлю, до рокового дня, коллега мой по Академіи, проф. А. П. Дьконовъ (умеръ въ 1944 г. византологомъ Пермскаго Университета), водившій знакомство съ журналистами социалистическаго толка, говоритъ: «Слышали? Гапонъ-то нашъ, революціонеромъ сталъ, гремитъ! Не изъ тучи громъ!» Стало быть, знали черную подоплеку всѣхъ кромѣ тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ...

Вотъ въ какой сумасшедшей атмосферѣ происходило январское собраніе кружка «Вопросовъ Жизни», гдѣ были и С. Н. Булгаковъ и С. А. Аскольдовъ (Алексѣевъ) и С. Л. Франкъ — участники «Проблемъ Идеализма» (1903 г.) и позднѣйшихъ «Вѣхъ» (1909). Московскіе гости, братчики «Братства Христіанской Борьбы» Эрнъ и Свенцицкій выдвигали предложеніе объ организациі большой демонстративной панихиды по жертвамъ 9 января. Даже у умнаго Эрна сорвалось (до чего доводитъ страсть!) рискованная фраза: «въ пику Синоду». Тутъ обычно молчаливый и вообще человѣкъ тихаго голоса, С. Л. Франкъ, возвысилъ голосъ и запротестовалъ: «Я рѣшительно возражаю противъ такой постановки вопроса. Я понимаю демонстрацію, какъ актъ внѣшній, боевой и до извѣстной степени грубый, но молиться Богу «въ пику кому-то», примѣшивать сюда мои интимныя отношенія къ Богу — этого я ни понять, ни принять не могу». Какъ холодной водой окатилъ разгоряченныя головы. Все было затушевано шумнымъ переходомъ къ русскому чаю. И вся затѣя была забыта. И въ этотъ разъ и въ послѣдующихъ встрѣчахъ С. Л. Франкъ поражалъ меня трезвостью своихъ сужденій въ средѣ, гдѣ деспотически царилъ банальный штампъ «революціонныхъ» оцѣнокъ. Объ этомъ я вспоминалъ и думалъ, когда въ 1928 г., уже здѣсь въ Парижѣ, 16/3 февраля я стоялъ въ церкви нашего Подворья сзади С. Л. Франка, имянинника и причастника въ тотъ день. Вотъ этой породы люди въ Израилѣ, трезвые до безстрастія, мужественные умомъ и вѣрой, и вымостили собою дорогу между Ветхимъ и Новымъ Заветомъ. Вотъ изъ такихъ и состояла іудео-христіанская кучка первичной около апостоловъ іерусалимской церкви. И С. Л.

Франкъ и С. Н. Булгаковъ въ то время смѣлыми шагами шли къ православію. Семень Людвиговичъ и крестился вскорѣ, въ 1906 г.

С. Н. Булгаковъ для болѣе близкаго знакомства пришелъ весной 1905 г. ко мнѣ въ мою квартирку въ Лаврскомъ домѣ (Невскій, 163) на 5-ый этажъ по дворовой лѣстницѣ. Разговоръ былъ о реформѣ церкви, объ усиленіи ея свободной общественной и политической дѣятельности. Предполагая, по марксистской репутаціи С. Н. Булгакова, что онъ вводитъ въ эту программу и христіанизацию социализма, я услышалъ отъ него неожиданное для меня тогда возраженіе. «Да, социальный вопросъ, но во всякомъ случаѣ не марксизмъ, ибо по своему паѳосу Марксъ антихристіанень. Какъ еврей, онъ эсхатологистъ. Но эсхатологія его земная, анти-евангельская». Какъ лучъ прожектора прорѣзалъ тьму моего невѣжества въ марксистской проблемѣ. Что Марксъ еврей, было для меня откровеніемъ. Меня всегда поражала роль подсознательнаго начала въ человѣческой личности, сила наслѣдственныхъ инстинктовъ, раса. Я вдругъ понялъ также, что и С. Н. Булгаковъ уже не лическій и гуманистическій социологъ, а библейски мыслящій и чувствующій богословъ. Вся дальнѣйшая эволюція его, меня послѣ этого нисколько не удивляла, казалась естественной.

Въ мукахъ революціоннаго рожденія явилось на свѣтъ спасительное дитя: манифестъ 17 октября 1905 г., представительный строй, обновившій и укрѣпившій Россію. Съ вихревой быстротой начали открыто формироваться отнынѣ уже легальныя группировки. Въ церковной средѣ тоже слагались свои предсоборныя группировки. Раньше другихъ нашумѣла петербургская группа «32-хъ священниковъ». На одно изъ ея засѣданій у свящ. о. К. Аггѣева на Васильевскомъ островѣ, явился розовый, окрыленный, какъ метеоръ летящій, въ неизмѣнномъ черномъ сюртукѣ (не любилъ куцые «пиджачишки») С. Н. Булгаковъ и пожелалъ сдѣлать внѣочередное заявленіе. Онъ пріѣхалъ прямо съ организаціоннаго засѣданія ново-образующейся партіи, а именно партіи «конституціонно-демократической» (К.-Д.). Кратко охарактеризовавъ программу и личный составъ партіи, проф. Булгаковъ лаконически, безъ предисловій, прямо пригласилъ духовенство вступить въ эту партію, какъ самую для него подходящую. Отвѣтомъ было возбужденное и недомѣльное молчаніе. Все это было ошеломляюще ново. Нова и неясна была на опытъ самая легальность партій. И духовенству, неотдѣлявшему себя отъ церкви, могла казаться дикой мысль о вхожденіи «церкви въ партію». Самъ С. Н. Булгаковъ вскорѣ продумалъ вопросъ и опубликовалъ брошюру «Неотложная Задача» (М. 1906 г.), гдѣ обратился уже не къ духовенству, а ко всѣмъ гражданамъ-христіанамъ, приглашая соединиться въ «Союзъ христіанской политики» (въ развитіе «Христіанскаго Братства Борьбы» Эрн — Свенщицкаго). Союзъ противопоставался по своей христіанской идеологіи всѣмъ партіямъ, демократическимъ и социалистическимъ, какъ построеннымъ на безрелигіозномъ и антирелигіозномъ міровоззрѣніи, но членамъ союза рекомендовалось для цѣлей практической политики входить именно въ эти партіи, чтобы дѣйствовать совмѣстно съ ними и внутри ихъ, но по мотивамъ христіанскимъ и церковнымъ. Это путь косвеннаго, преображающаго изнутри

воздѣйствія христіанъ на политику. Идея болѣе тонкая и безспорная, чѣмъ прямое вхожденіе духовенства въ партію. И самъ С. Н. Булгаковъ тоже не нашель возможнымъ войти въ партію к.-д. Да и дѣйствительность, какъ всегда, оказалась грубѣе теорій. Никакого «Союза христіанскихъ партій» не родилось, а часть духовенства на выборахъ во 2-ую Думу въ началѣ 1907 г. прошла подъ флагомъ социалистовъ-трудовиковъ. Во 2-ую же Думу избранъ былъ и С. Н. Булгаковъ, перешедшій на профессуру изъ Кіева въ Москву. Въ Думѣ онъ занялъ виѣспартійное мѣсто, около к.-д. Рясофорная группа сѣла налѣво и голосовала съ социалистами. Когда С. Н. Булгаковъ въ кулуарныхъ разговорахъ критиковаль поведение этихъ лѣвыхъ священниковъ, они заявляли ему, что они его «духовныя чада», что они шли по программѣ его брошюры «Неотложная Задача». Приходилось, какъ мнѣ самъ говорилъ С. Н., въ лицо отрицаться отъ чадъ своихъ.

Невозможно вообще среднимъ людямъ угнаться за эволюціей большихъ людей. Когда С. Н. Булгаковъ сталъ депутатомъ Думы, онъ внутренно былъ уже другимъ человекомъ, чѣмъ до выборовъ. Шелъ на выборы еще думая, что онъ «съ революціей», а очутившись въ Думѣ созналь себя съ «контръ-революціей». Такова была эта лѣвѣйшая Дума. Социалисты, убѣдившись на опытѣ, что они сдѣлали глупость, бойкотируя 1-ую Думу, пришли дружно во 2-ую и нагнали въ нее лѣвыхъ крестьянъ къ полной неожиданности правительства. А легальная большевицкая партія, пользуясь правомъ депутатской неприкосновенности, начала цинично, почти въ открытую готовить военное возстаніе въ Кронштадтѣ. Едва смѣлымъ арестомъ «неприкосновенныхъ» депутатовъ с.-д. былъ залитъ этотъ пожаръ, какъ запылало въ другомъ мѣстѣ, взбурлило всемірно извѣстное дѣло о правительственномъ агентѣ изъ среды террористовъ — Азефѣ. Думская оппозиція съ азартомъ молодыхъ парламентаріевъ громила правительство. Отвѣтчикъ отъ лица власти нашелься рѣдкостный — П. А. Столыпинъ. Онъ соединялъ въ своемъ сознаніи носителя власти — бюрократа со всей живостью земскаго, общественнаго дѣятеля. И съ вдохновеннымъ достоинствомъ защищаль правоту власти предъ лицомъ государственно-безотвѣтственной интеллигентской критики. Этотъ тонъ моральной до трагизма государственной овѣтственности пронзилъ сердце моралиста и идеалиста въ политикѣ С. Н. Булгакова. Онъ потерялъ вкусъ къ думской оппозиціи. Болѣе того, онъ оторвался отъ политики вообще и устремился цѣликомъ въ міръ богословія и жизни церковной. Его виѣшнее положеніе всегда отставало отъ быстрого полета его внутренней эволюціи. Въ дни, когда Столыпинъ произнесъ съ думской трибуны, обращаясь къ озлобленнымъ лѣвымъ, свое знаменитое: «не запугаете!», часовъ около 5-ти я встрѣтилъ С. Н. Б. на Знаменской, идущаго одиноко въ глубокой задумчивости, съ дѣловымъ портфелемъ со стороны Государ. Думы. Я окликнулъ, какъ-бы разбудилъ его. Онъ уцѣпился за меня и явно хотѣлъ поговорить, излиться. Разговоръ разгорѣлся. Мы съ лудной Знаменской свернули, въ поискахъ тишины, въ Ковенскій переулокъ, незамѣтно дошли до пустынной площадки, на которой стоитъ бѣлый соборъ Спаса-Преображенія, обнесенный кругомъ высокой чугунной

оградой стили ампиръ и много разъ обошли его, какъ въ крестномъ ходу. Въ старой свободной Россіи никто не обратилъ вниманія на двухъ азартно разсуждающихъ интеллигентовъ, жестикулирующихъ, останавливающихся другъ противъ друга. Было все это какъ-то невольно символично. Мы какъ бы вѣнчались, брачились съ церковью. Будущій о. Сергій, какъ прикованный спутникъ около солнца, неотрывно закружился около церковнаго центра. Это былъ уже новый человекъ, «новая тварь». Онъ говорилъ нарѣдкость интимно: «Я хочу уйти совсѣмъ изъ политики. Я это впервые почувствовалъ, когда выѣзжая въ предвыборной грязи (sic!). Это — не мое дѣло. Это — не я! И теперь я «съ ними» (Столыпинымъ), а не «съ тѣми» (лѣвыми)»... Таковъ былъ смыслъ его рѣчей. Въ общемъ это была вскорѣ появившаяся въ «Вѣхахъ» (1909 г.) статья: «Героизмъ и подвижничество». Гордому безрелигіозному интеллигентскому коллективизму и бездушному механизму революціонныхъ измѣненій С. Н. противопоставлялъ «христіанское смиреніе, рожденіе новаго внутренняго человека» (стр. 47, 49, 58)... «Христось стоитъ и стучится въ это гордое, непокорное интеллигентское сердце. Будетъ ли когда-нибудь услышанъ стукъ Его?» (стр. 69). Сказать это ему «повелѣваетъ чувство отвѣтственности и мучительная тревога и за интеллигенцію и за Россію» (стр. 59).

Разгонъ 2-ой Думы облегчилъ С. Н. Б-ву его уходъ изъ политики. Продолжая въ Москвѣ профессуру по кафедрѣ политической экономіи, онъ душой весь былъ уже въ темахъ своего «Свѣта Невечерняго» (1917 г.), и докторское сочиненіе представилъ совершенно необычное, метафизическаго характера: «Философія Хозяйства» (1912 г.). Духовно-культурная жизнь С. Н. Б. въ Москвѣ очень тѣсно связана была съ «Рел.-Филос. Обществомъ имени Вл. Соловьева», въ которомъ царилъ духъ и авторитетъ братьевъ Трубецкихъ. Духъ этотъ можно опредѣлить, какъ духъ вѣрнаго православію, внутрицерковнаго реформизма, въ отличіе отъ Петербургскаго Р. Ф. О-ва, которое окрашивала яркая литературная репутация Мережковскаго въ тона какого-то виѣцерковнаго религіознаго революціонизма, сопутствующаго революціонизму политическому. С. Н. Б. не любилъ Мережковскаго, духовно отталкивался отъ него, и я чувствовалъ, что часть этого недоверія онъ переносилъ и на меня, какъ на формальнаго предсѣдателя Р. Ф. О-ва пред-революціоннаго пятилѣтія.

Встрѣтились мы лично только послѣ 10-лѣтняго перерыва въ кошмарѣ революціи въ 1917 г., уже какъ члены Всеросс. Церк. Собора. С. Н. Б. былъ выбранъ отъ Московскаго университета, а я — по должности министра исповѣданій. Шли мы съ нимъ въ концѣ сентября 1917 г. съ Собора, отъ Лихова Переулка до Б. Никитской, до Синодальнаго Дома, гдѣ мнѣ была отведена комната. Передъ подъездомъ, на разставаніе С. Н. Б. не удержался выразить свое удивленіе предъ фантастичностью всего происходящаго: «Не диво ли это? Кто бы могъ подумать: — Ант. Влад., и вдругъ оберъ-прокуроръ!... «По всему тону С. Н. Б. и его сдержанности я почувствовалъ его неодобреніе къ этой волѣ судьбы. Онъ не съ московской только кружковой точки зрѣнія, но и особенно съ своей интимной, заостренно антиреволюціонной (какъ

теперь открывается из его «Автобиограф. Замѣтокъ») подозрѣвалъ меня въ Петербургской «революционности», недостаточной церковности. Этимъ ослѣпленіемъ я и объясняю, что С. Н. Б. не хотѣлъ понять моей деклараціи въ 1-мъ засѣданіи Собора 16-го августа въ Храмѣ Христа Спасителя. Онъ совершенно исказилъ ее смыслъ, не процитировалъ, а невѣрно пересказалъ своими словами въ 41-мъ дѣяніи Собора 13/ХІ, 1917 г. И изъ своего измышленія дѣлалъ абсурдныя выводы. Врем. Прав-ство создаетъ «чудовищный цезаропапизмъ» и требуетъ себѣ на утвержденіе все свободное церковное законодательство (Дѣян. кн. IV, стр. 11, СПб., 1918 г.). Это говорилось въ тѣ дни, когда Времен. Прав-н его министръ не могли уже ничего возразить, ибо сидѣли уже въ Петропавловской крѣпости. Такую aberrацію можно какъ-то понять черезъ ту психологію страстнаго оттолкновенія отъ революціи, которая вскрыта теперь автентичными признаніями о. Сергія («Автоб. Зам.» стр. 73-93).

Трезвая дѣйствительность была совсѣмъ другая. Если бы у Времен. Правит. зародилась даже потенція лѣваго цезаро-папизма, я ушелъ бы изъ него. Наоборотъ, Врем. Прав., по его совершенному безразличію къ дѣламъ церкви, было бы очень довольно, если бы я отъ его лица декларировалъ при открытіи Собора голый принципъ отдѣленія церкви отъ государства. Это соотвѣтствовало бы банальнымъ лозунгамъ, зашѣвшимъ въ головахъ всѣхъ лѣвыхъ. Carte blanche, выданную мнѣ Врем. Прав-ствомъ, совершенно не совѣщаясь съ нимъ, я использовалъ нѣсколько умнѣе. Учитывая работу мысли въ Предсобор. Совѣтѣ, въ постоянномъ контактѣ съ обновленнымъ составомъ Синода, съ экзархомъ Грузіи Платономъ во главѣ, и интеллигентными чиновниками (П. В. Гурьевъ — магистръ, С. Г. Рункевичъ — докторъ), я чувствовалъ подъ собой твердую почву, чтобы уточнить и оформить неопредѣленную благожелательную позицію Врем. Прав-ства по отношенію къ церкви, какъ новую систему взаимной независимости соборной церкви и правового государства при ихъ дружественномъ моральномъ сотрудничествѣ. Этой возможностью «навязать» Времен. Прав-ству программу новой свободной связи Церкви и Государства я — смѣю думать — украсилъ ликъ Врем. Прав-ства, въ данномъ пунктѣ. А для Церкви — уравнивалъ путь къ ея мирной и плодотворной коллаборациіи съ новой властью (См. мою статью «Времен. Прав-ство и Церковь», «Совр. Записки» 1933 г., кн. 62. Сравни. «Революц. и Соборъ, 1917-18 г.», «Богослов. Мысль», 1942 г.). Этотъ принципъ не «отдѣленія», а «сотрудничества» изъ Предсоборнаго Совѣта черезъ проф. Лазаревскаго, Котляревскаго и Новгородцева передался и въ обновленную программу К.-Д. партіи (май 1917 г.). Когда уже 1920 г. въ дни агоніи Крымскаго фронта, обломки к.-д. партіи собрались здѣсь въ Парижѣ въ квартирѣ А. И. Коновалова и писали нѣкое обращеніе къ ген. Врангелю, я внесъ поправку въ духъ принципа связи церкви и государства. П. Н. Милоковъ, не отрицая, что въ новую программу (май 1917 г.) эта враждебная ему идея къ сожалѣнію проскользнула, прибавилъ: «а мы ее выкорчевали оттуда», что онъ и продѣлалъ вскорѣ, создавъ «Республиканско-Демократическое Объединеніе». Это для меня — лучшее «свидѣтель-

ство отъ внѣшнихъ», что моя правительственная декларація на Соборѣ не та карриатура, въ какую превратилъ ее пылкій темпераментъ С. Н. Булгакова. «Своя своихъ не познаша».

Свиданіе наше съ С. Н. Б., кончившееся у воротъ синодальнаго дома на Никитской, было послѣднимъ въ Россіи. Далѣе — 25 октября. Мое трехмѣсячное сидѣніе въ Трубецкомъ бастіонѣ и Крестахъ. По милости Божіей освобожденіе. Когда со всѣми ухищреніями (иначе не бываетъ въ СССР) мнѣ удалось прибыть въ началѣ іюля 1918 г. въ Москву опять на Соборъ и въ Высшій Церковный Совѣтъ, то С. Н. Б. тамъ уже не было. Только что въ іюнѣ рукоположенный въ іереи епископомъ Ѳеодоромъ Волоколамскимъ, онъ отбылъ въ Крымъ.

Такъ кончились наши «раннія» встрѣчи и вскорѣ, волею Провидѣнія, началось «позднѣе» тѣсное сотрудничество на горкѣ Преп. Сергія въ Парижѣ. Это уже было нашимъ «инобытіемъ» въ сравненіи съ російскимъ прошлымъ. Странно, что о. Сергій съ его быстрыми эволюціями смотрѣлъ на меня теперь не «справа», а «слѣва». Тамъ я «привидѣлся» ему какимъ-то лѣвымъ гонителемъ церкви. А здѣсь я ему (скоро забывшему свою романтику царелюбія) представлялся «зубромъ бѣлогвардейской реакціи», другомъ чуждыхъ ему бѣлыхъ генераловъ, — Юденича, Врангеля, Кутепова. Всенѣло отдавшись богословію и священству, о. Сергій въ заброшенной имъ области политики зажилъ и зачувствовалъ какими-то устарѣвшими реминисценціями давно имъ же преодолѣнной юношеской лѣвизны. Но мы любили другъ друга и работали душа въ душу.

Помню, разъ провѣрили свои политическія разночувствія на опытѣ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ мы были одновременно въ Лондонѣ въ день пролетарскаго 1-го Мая. Выходя изъ Гайдъ-Парка, гдѣ мы прислушивались къ десяткамъ вольныхъ трибунъ разныхъ сектантскихъ ораторовъ, мы попали въ потокъ многолюдной рабочей демонстраціи, несшейся довольно неистово и бурно съ тучей красныхъ флаговъ и крикливыхъ плакатовъ. Мы остановились, пока волна народа мрачно протекала мимо насъ при сѣрой холодной погодѣ и падающихъ снѣжинкахъ. Я удивлялся какъ возбужденно, съ искрящимися глазами о. Сергій созерцалъ это отвратительное для меня зрѣлище. О. Сергій признался, что онъ ощущалъ знакомое ему энтузіастическое волненіе. И тотчасъ же мнѣ рассказалъ объ одномъ изъ рѣшающихъ моментовъ психологическаго и идейнаго отрыва его отъ этого краснаго энтузіазма. Это теперь напечатано въ его «Автобіограф. Замѣт.» (стр. 76). Именно въ Кіевѣ, въ день объявленія манифеста 17 октября 1905 г., когда онъ надѣлъ красный бантъ и слился съ уличной толпой, хамство красной клоаки забило съ такой удушающей наглостью, что онъ вернулся къ себѣ и съ омерзениемъ бросилъ красную тряпку въ отхожее мѣсто. Какъ же можно было послѣ столь яркаго откровенія духа даже въ воспоминаніяхъ какъ-то принимать запахъ «сѣро-водорода»?... Сложна лира человѣческой души. Гармонія перепутана въ ней съ диссонансами.

А. Карташевъ.